

**ВЕЛИКИЙ
ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ
СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ**
Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин — авторский текст, составление, редакция

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: Юрий Рассулин, 2020

Свидетельство о публикации №220052301935

Глава 10
Месть врага рода человеческого

5. Епископ Гермоген (Долганов) и иеромонах Илиодор (Труфанов) (годы 1911-1912)

Рассказ о епископе Гермогене и иеромонахе Илиодоре весьма поучителен. Это рассказ о гибели через гордыню и о спасении через покаяние. Это рассказ об опасности ложного и погибельного пути противления Божественным силам, кои изобильно являются в сосудах избранных — человеках Божьих, праведных подвижниках. На сих угодников Божьих указывает Божий перст, как на свидетелей Божественной правды, как на носителей Божественной благодати. По злему навету да по наваждению дьявольскому на сей ложный путь противления стали епископ Гермоген и иеромонах Илиодор, как и епископ Феофан.

Все они хорошо знали друг друга. Их объединяли общие интересы в сфере богословских и церковных вопросов, миссионерства, проповеди. В свой круг они приняли и Григория Ефимовича Распутина-Нового. Так сложилась между ними дружба. Это случилось вскоре после появления сибирского странника в С-Петербурге. Отношения между старцем Григорием с одной стороны и епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором с другой многие годы (вплоть до 1910 года) были самыми наилучшими, и ничто не предвещало каких-либо осложнений.

Обратимся к рассказу епископа Гермогена о «благополучном» периоде его взаимоотношений с Григорием Распутиным-Новым (из показаний на допросе в Ч.С.К., 1917 г.):

«С Григорием Распутиным я познакомился в городе Петрограде в конце 1908 года, как-то осенью, в то время, когда я присутствовал в Святейшем Синоде. Познакомил меня с ним исправляющий должность инспектора Петроградской духовной академии архимандрит, впоследствии епископ Феофан. Последний, знакомя меня с Григорием Распутиным, отозвался о нём в самых восторженных выражениях, как о выдающемся подвижнике. С архимандритом Феофаном я находился в самых дружеских отношениях, и рекомендация, данная им Распутину, вполне расположила меня к последнему. Тогда же в Петроград прибыл отец Илиодор, состоявший в Почаевской лавре. Святейшим Синодом он был определён в мою епархию — в Царицынский монастырь. Отец Илиодор был учеником и духовным сыном архимандрита Феофана. Часто посещал его и, несомненно, там познакомился и сошёлся с Распутиным. После отъезда моего в свою епархию, в течение 1909 года Распутин несколько раз приезжал ко мне в Саратов и оттуда ездил в Царицын к отцу Илиодору. Отношения между мною, а также Илиодором и Распутиным на первых порах были самые лучшие. Распутин пользовался общим расположением. Ко мне он относился с особой предупредительностью, но, насколько я понимал, он предпочитал гостить в Царицыне у Илиодора. Распутин первый заявил, что приедет ко мне. Я пригласил его, и он стал посещать меня и отца Илиодора. Мне известно, что Распутин с отцом Илиодором посещал в Царицыне дома разных лиц, но кого именно, я не знаю. В частности, мне известны Пелагея Козьмина Завороткова и Наталья Емельянова Толмачёва — по крайней мере, пофамильно. Навещал ли их Распутин с о. Илиодором — мне не известно. Отец Илиодор в своих проповедях, обращённых к своей пастве, указывал Григория Распутина, как подвижника высокой христианской жизни. Таково было в то время общее мнение о Распутине». [78]

В ноябре 1909 г. Григорий Ефимович гостил у епископа Гермогена в Саратове. Затем они вместе приехали в Царицын к иеромонаху Илиодору. После того, как владыка Гермоген вернулся обратно в Саратов, Григорий Ефимович с Илиодором отправились в Покровское. Об этой поездке сохранилось донесение унтер-офицера Прилина — ротмистру Калмыкову:

«Секретно. Распутин Григорий Ефимович отроду имеет около 45 лет, крестьянин Тюменского уезда села Покровского, семейный, занимается хлебопашеством, постоянно ездит в Россию, бывает даже в Петербурге, имеет даже знакомство с Милицей Николаевной, которая была в 1907 году в селе Покровском, посылает постоянно из России деньги переводом Распутину. Живёт богато, помогает бедным своим односельчанам. Образ жизни ведёт трезвый. Иеромонах Илиодор был в селе Покровском, был с той целью, чтобы расширить церковь больше. Хотел пожертвовать двадцать тысяч. По этому поводу приезжал, где пробыл около пятнадцати дней. Около 20 декабря выехали вместе с Распутиным по сведениям в Петербург. 4 января 1910 года. Унтер-офицер Прилин». [79]

Побывав в Покровском, о. Илиодор и старец Григорий вновь вернулись в Царицын, где о. Илиодор устроил торжественные проводы народом Григория Ефимовича в Петербург. О приезде Григория Распутина в Царицын в конце 1909 года рассказывает Ксения Гончаренкова (показания Ч.С.К. 1917 г.):

«Григория Распутина-Нового я увидела в первый раз во время приезда его с владыкой Гермогеном из Саратова к нам в Царицын, это было в день Ангела Илиодора — 19 ноября 1909 или 1910 года, не помню. Владыка пробыл в Царицыне несколько дней и уехал обратно в Саратов. Распутин пробыл после этого ещё несколько дней и затем вместе с Илиодором уехал в село Покровское Тюменского уезда. Вернулись они назад в Царицын вместе 21 декабря.

Распутин прогостил у Илиодора, всё время жил у Илиодора, до 1 января, и уехал. За всё время пребывания своего Распутин пользовался общим почётом, так как Илиодор, имевший огромный круг почитателей, постоянно посещал дома в Царицыне, всем рекомендовал Распутину как благочестивого человека». [80]

Именно в это время Григория Ефимовича впервые увидела женщина, покусившаяся в дальнейшем убить его. По утверждению газеты «Новое время» за 1914 г., «Хиония Гусева, по профессии шапошница, познакомилась с Распутиным в 1910 году, когда он посещал Балашевское подворье в Царицыне, где жила монахиня Ксения, подруга Гусевой». [81]

Об отношении епископа Гермогена к Григорию Распутину в этот период времени оставил своё воспоминание князь Н. Д. Жевахов:

«Я несколько раз встречался с Распутиным в 1910 году, то в Петербургской Духовной Академии, то в частных домах, и он производил на меня, хорошо знакомого с монастырским бытом и со "старцами", такое впечатление, что я даже проверял его у более духовно сведущих людей и сейчас ещё помню отзыв епископа Гермогена, сказавшего мне: "Это раб Божий: Вы согрешите, если даже мысленно его осудите"...». [82]

Это свидетельство князя Жевахова не может не вызвать следующих раздумий. Всё же удивительно, сколько ядовитой краски наложено на холст в изображении старца Григория. Быть может, этого не замечали и сами «художники»? Однако это так. Так хотелось многим изобразить его каким-то монстром, нарисовать его примитивное устройство, нацеленное на удовлетворение плоти. Но ничего не вышло. Как ни старались, но не смогли доказать это не только людям, но даже самим себе, были беспомощны перед обаянием его личности. Григорий Ефимович оказался сильнее. Что само по себе уже есть свидетельство того, что всё гадкое, сказанное про старца Григория — одна пустота, напраслина и наговоры, не имеющие никакой цены как свидетельства.

Вот и епископ Гермоген, приложивший впоследствии столько усилий, чтобы вымарать портрет Распутина дёгтем, произнёс те слова, свет которых со временем пробился сквозь толщу грязи и отобразил чудный лик доброго человека, Божьего угодника. Вот и князь Жевахов, хотя и много говорил о Григории Распутине всякого, и доброго, и не очень, но привёл слова владыки Гермогена, и убедил читателя только в одном, что это раб Божий и даже мысленное осуждение его — грех.

Даже литератор Радзинский, с удивительной последовательностью сводящей всякий эпизод в своей книге о Григории Распутине только к одному вопросу, видимо, ему очень близкому, и тот не выдерживает душных, тесных рамок взятого им тона и вырывается на простор истины, свидетельствуя о ней вопреки своему желанию. По его словам, Григорий Ефимович Распутин-Новый «выделяется на фоне дворцовой суеты, интриг и сплетен. Он всегда рассказывает о людях только хорошее, даже о своих врагах.

Они [*Царь и Царица*] любят слушать рассказы о его странствиях. В них оживают «другие» люди, лишённые ярма чинов и денег. В них — Бог и природа: встающее над полем солнышко, ночлег в траве под открытым небом — всё, о чём царь, так любящий долгие прогулки и простую жизнь, может только мечтать». [83]

Итак, до сего момента времени во взаимоотношениях трёх друзей всё было совершенно безоблачным и ничто не предвещало бури. Однако, в конце 1909 — начале 1910 года произошло два события, набросивших тень на добрые отношения, прежде всего, со стороны иеромонаха Илиодора, да и епископа Гермогена тоже. Причём было затронуту внутреннее существо этих отношений, т. к. внешняя сторона ещё долгое время (1910 и почти весь 1911 год) оставалась неизменной.

Будучи в декабре 1909 года в слободе Покровской в гостях у Григория Распутина, иеромонах Илиодор совершил неблагоприятный поступок, идущий в разрез с совестью православного христианина, поступок, раскрывающий его как личность. То, что совершил иеромонах Илиодор, в дальнейшем послужило основанием для нового витка травли Государыни Императрицы Александры Федоровны и старца Григория. Илиодор выкрал у своего друга письмо, написанное Царицей. Об этом свидетельствует, в частности, М.Г. Соловьёва-Распутина (из протокола допроса следователем Соколовым):

«Вообще же отец в переписке с Царской Семьей не состоял, т. е. они не писали ему писем. Государыня только однажды прислала отцу в Покровское письмо. Он его показал, по своей простоте, гостившему тогда у нас Илиодору. Илиодор это письмо у отца тогда же и украл». [84]

Факт кражи письма подтвердил и сам Григорий Ефимович при даче показаний полицейскому приставу в селе Покровском после покушения на него Гусевой:

«Был Илиодор у меня четыре года назад в Покровском, где похитил важное письмо, которое и передал высшим властям». [85]

Это событие не могло не наложить отпечатка в нравственном смысле на отношение иеромонаха Илиодора к Григорию Распутину, ведь Илиодор стал вором. Можно ли совместить те мотивы, которые двигали иеромонахом Илиодором (зависть, корысть, предательство?), с чувством искренней дружбы?

Поступок Илиодора совпал с событием, повлиявшим на отношение уже епископа Гермогена к Григорию Ефимовичу. По утверждению архиепископа Феофана (из показаний Ч.С.К., 1917 г.):

«Когда нехорошие поступки Распутина стали раскрываться, Гермоген долго колебался, не зная, как отнестись к этому. Но я написал ему письмо, чтобы он выяснил своё отношение к Распутину. Ибо если мне придётся выступить против Распутина, то тогда и против него». [86]

О том же показал на допросе и епископ Гермоген:

«В начале 1910 года, времени точно не помню, я получил письмо от владыки Феофана. В письме этом последний сообщал мне, что Григорий Распутин оказался совершенно недостойным человеком. Владыка приводил мне целый ряд фактов, порочащих Распутина, как человека развратной жизни. Получив это письмо, я при встрече с Распутиным указал ему недостойность его поведения. Полученное мною письмо, а также мои личные неблагоприятные Распутину наблюдения за ним послужили поводом к резкому изменению моего отношения к Распутину, которого я даже перестал принимать. С отцом Илиодором Распутин находился по-прежнему в дружеских отношениях, бывал у него. Я указывал отцу Илиодору на то, что Распутин недостойн его дружбы. Илиодор мне возражал, ссылаясь на то, что сведения о Распутине, возможно, неосновательны». [87]

Год 1911 оказался роковым в плане взаимоотношений между Григорием Ефимовичем с одной стороны и еп. Гермогеном и иеромонахом Илиодором с другой. В этом году последовали события, в которые все они были вовлечены, кто вольно, кто невольно. Эти события напрямую затрагивали вопросы церковные. Поскольку во всё произошедшее, хотя и поневоле, был втянут старец Григорий, что вызвало волну возмущения в обществе, и нападки на него в прессе, стоит остановиться на внешней стороне событий и несколько подробнее осветить личности главных действовавших лиц, т. е. иеромонаха Илиодора и епископа Гермогена. В воспоминаниях товарища министра внутренних дел при Столыпине, генерала П.Г. Курлова, дополняемых сведениями из книги С.С. Ольденбурга, можно найти разъяснение сущности конфликта, разгоревшегося вокруг деятельности иеромонаха Илиодора в Царицыне.

Курлов сообщает следующее:

«Каких бы то ни было указаний на влияние Распутина в придворных сферах я в то время по службе не имел и наткнулся на него только в деле Саратовского епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Саратовский губернатор граф Татищев вынужден был оставить свой пост вследствие невозможных отношений между ним и епископом Гермогеном, который позволял себе ряд бестактных и недопустимых выходок, направленных против начальника губернии. Его преемник П.П. Стремоухов тоже жаловался на поведение преосвященного Гермогена, прикрывавшего свои неприличные поступки фразами о монархизме и религиозности. Как умный человек, архиерей не доводил своих выходок до крайности, инспирируя и пользуясь для этого иеромонахом Илиодором. Последний произносил в Царицыне прямо революционные проповеди, убеждая народ не признавать властей, так как они — еретики и изменники Государю. Подлинный текст его проповедей был мне представлен начальником Саратовского губернского жандармского управления полковником Семигановским. Мы с П.А. Столыпиным неоднократно обсуждали меры обуздания Илиодора. <...> Мне было ясно, что иеромонах Илиодор — тип появившегося в последние годы духовного карьериста, не останавливающегося в целях популярности среди народа ни перед какими средствами, и что всякая надежда воздействовать на него разумным путём являлась совершенно тщетною». [88]

П.Г. Курлову вторит С.С. Ольденбург:

«В Саратовской губернии были большие нелады между церковными и гражданскими властями. Властный епископ Гермоген с амвона обличал губернатора, гр. С.С. Татищева, открыто критиковал политику правительства. Иеромонах Илиодор, ещё молодой инок, обладавший редким демагогическим даром, собирал в Царицыне огромные толпы последователей и в ещё более резкой форме нападал как на правительство, так и на частных лиц; называл министров «жидомасонами».

Гражданские власти добились, чтобы Синод перевёл Илиодора в другую епархию. Но Илиодор с толпой в несколько тысяч человек заперся в монастыре, воздвигнутом руками его последователей, и отказывался повиноваться не только гражданской, но и церковной власти: «уморю себя голодом, если меня не оставят в Царицыне».

Государь не хотел применения силы против религиозно-настроенной, хотя и непокорной толпы, и отправил своего флигель-адъютанта в Царицын для переговоров. («Народ должен знать, — писал он Столыпину, — что Царю близки его горе и его радости»).

Илиодора удалось уговорить подчиниться и уехать в монастырь в Тамбовской губернии.

Но Государь, считая, что обер-прокурор Синода (С.М. Лукьянов) проявил во всём этом деле и слабость, и неумелость, решил заменить его бывшим помощником Победоносцева, В.К. Саблером, который пользовался большим авторитетом в кругах высшего духовенства. Столыпин защищал Лукьянова. «За действия по отношению к Илиодору — писал он Государю (26. II. 1911 г.) — ответственен исключительно я. Если теперь вся видимость обстоятельств сложится, как будто С.М. Лукьянов отставлен за Илиодора, совесть меня будет мучить, что не отстоял. Для государственного человека нет большего греха и большего проступка, как малодушие».

Государь, тем не менее, назначил В.К. Саблера обер-прокурором Синода. <...>

Моментом, когда Столыпин подавал в отставку [*о причинах отставки см. ранее в разделе, посвящённом деятельности Столыпина – сост.*], воспользовался Илиодор и бежал из обители, куда его выслали, обратно в Царицын. Снова собралась многотысячная толпа вокруг монастыря — епископ Гермоген на этот раз стал открыто на сторону Илиодора. Только-что

прибывший в губернию Саратовский губернатор, П.П. Стремоухов, запросил Петербург, что ему делать. Товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов, ответил, что полиция ночью должна проникнуть в монастырь и арестовать Илиодора. П.П. Стремоухов, опасаясь, что это вызовет кровопролитие, запросил самого Столыпина; тот 24. III. ответил: «Прекратить всякие действия против монастыря и Илиодора». Таким образом, Илиодору удалось остаться в Царицыне. П.А. Столыпин затем говорил П.П. Стремоухову: «Ужасно то, что в своих исходных положениях Илиодор прав... но приёмы, которыми он действует, и эта безнаказанность — всё губят». [89]

Дальнейшее развитие ситуации изложено П.Г. Курловым:

«На другой день он /Илиодор/ уехал в Царицын и, запершись в церкви монастыря, не отпускал собравшийся народ ни днём, ни ночью, возбуждая его в духе только что упомянутой проповеди. Губернатору было приказано окружить монастырь полицейской стражей и не допускать дальнейшего притока народа, самого иеромонаха Илиодора не трогать и в церковь не входить. Одновременно П.А. Столыпин обратился к Обер-прокурору Святейшего Синода с просьбой, чтобы высшая духовная коллегия через посредство епископа Гермогена воздействовала на Илиодора.

И духовные меры не привели ни к какому результату!

Приходилось прибегнуть к крайним средствам и даже употребить силу. В течение последних перед этим дней ко мне стали поступать копии телеграмм от епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора к Распутину, причём за иеромонаха телеграммы подписывал его брат студент Труфанов. В этих депешах означенные лица просили Распутина хлопотать за них, а тот в своих ответах успокаивал, давая надежду на благоприятный исход дела. Немного спустя П.А. Столыпин получил собственноручную записку Государя, в которой Его Величество, снизойдя к просьбам духовных детей Илиодора, повелевал в последний раз не давать этому делу дальнейшего хода». [90]

Как следует из приведённых цитат, иеромонах Илиодор (Труфанов), вполне проявив свой скандальный нрав, непокорность и строптивость, отказался подчиниться священноначалию и обратился за помощью к старцу Григорию. Григорий Ефимович пожалел Илиодора и ходатайствовал перед Их Величествами за своего друга. Косвенным образом он помог и епископу Гермогену, который открыто занял сторону иеромонаха Илиодора. Несмотря на своё утверждение, что он после письма еп. Феофана полностью порвал с Распутиным, еп. Гермоген, по свидетельству Курлова, не погнушался обратиться к старцу Григорию с просьбой о помощи.

Государь, уважил просьбы Григория Ефимовича и многочисленных поклонников Илиодора, и дабы не раздувать конфликт, дал возможность Илиодору исправиться, в последний раз. Таким образом, иеромонах Илиодор, благодаря хлопотам старца Григория и вмешательству Государя, остался в Царицыне. Участие Григория Ефимовича в этом деле подтвердила в своих показаниях Анна Александровна Танеева-Вырубова (Ч.С.К., 1917 г.): «Илиодор был оставлен в Царицыне по личному ходатайству Распутина». [91]

Но, как пишет Курлов: «Милость монарха не оказала на Илиодора должного влияния, ровно как не воздействовал на него и посланный Государем Императором флигель-адъютант, так что всё-таки явилась необходимость прибегнуть к исключительным мерам и отправить иеромонаха в один из монастырей Тульской губернии, а епископа Гермогена в один из монастырей Гродненской губернии. По-видимому, последняя мера была сочтена обоими монахами за недостаточность желания со стороны Распутина оказать им дальнейшую помощь, и прежние друзья стали врагами.

Я останавливаюсь на этих событиях потому, что они составляют первоначальный источник тех легенд о значении Распутина и его близости к Царской Семье, которые потом распространились по всей России». [92]

Обратим внимание читателя на замечание товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, что действия еп. Гермогена и Илиодора «составили первоначальный источник легенд», распространившихся вокруг имени Григория Распутина. Иными словами, вместе с семейством Вел. князя Николая Николаевича и владыкой Феофаном (Быстровым), именно епископ Гермоген (Долганов) и иеромонах Илиодор (Труфанов), составили тот круг лиц, благодаря которым был запущен механизм безобразной, отвратительной травли, жертвами которой стали Царь, Царица и Их Друг — старец Григорий Ефимович Распутин-Новый, травля, которая привела к столь ужасным последствиям для всей Державы Российской.

Несмотря на благополучное в конечном итоге разрешение конфликта, он имел последствия недобрые, прежде всего, для старца Григория. А именно: произошедшая смена обер-прокурора Св. Синода (замена Лукьянова на Саблера) была приписана общественностью влиянию Распутина, хотя, как следует из существа дела, на смене обер-прокурора настоял сам Государь, имея на то веские основания, поскольку прежний обер-прокурор Лукьянов не смог справиться в общем-то со штатной ситуацией в Царицыне, хотя именно в его задачу входили разбирательства подобного рода. Тем не менее, за новым обер-прокурором Саблером, которого сразу невлюбила «общественность», прочно закрепилось звание «ставленника Распутина». Этот случай был взят на заметку также и Столыпиным, поскольку исход дела шёл вразрез с его желанием и просьбой к Царю оставить Лукьянова на прежнем месте. Этот случай использован премьер-министром, как повод выразить Царю своё недовольство Распутиным.

Меж тем, Григорий Ефимович продолжал считать иеромонаха Илиодора своим другом, ничего не подозревая о краже Илиодором писем и о совместных Илиодора с еп. Гермогеном, видимо, уже тогда замышляемых, «обличительных» планах. Он помог Илиодору организовать паломничество по Волге, а также в Саров, снабдив необходимыми деньгами. Деньги Григорий Ефимович получил от Государыни Императрицы Александры Феодоровны специально для организации паломнической поездки. Это подтверждают разные источники, в частности, показания Ксении Гончаренковой (Ч.С.К., 1917 г.):

«Распутин приехал в Царицын в июле месяце 1911 года, меня тогда в Царицыне не было. Отношения между Распутиным и Илиодором и тогда были самые отличные, причём Распутин дал Илиодору три тысячи рублей на организацию паломничества по реке Волге. Об этом знаю от многих паломников, а также от самого Илиодора. Паломничество это состоялось. Мне известно, что и после этого Илиодор до своего падения непрерывно находился в самых хороших отношениях с Распутиным и состоял с ним в переписке». [93]

О помощи Григория Ефимовича в организации паломничества упоминает и епископ Гермоген:

«Летом 1911 года отец Илиодор совершил с паломниками поездку по Волге. Насколько мне известно, Распутин не только не противодействовал этой поездке, но даже всеми мерами содействовал этому, в частности, предоставлением им средств — Распутин, как я слышал (от кого — не помню), собрал и предоставил на это около трёх тысяч рублей». [94]

Из письма камер-юнкера А.Э. Пистолькорса следует, что эти деньги были получены в ответ на просьбу Григория Ефимовича, обращённую к Государыне Императрице Александре Феодоровне:

«Аннушка передала от Мамаы 3000 рублей на Саровское паломничество. Замедление произошло, потому что Мама сначала не разобрала, куда устраивается паломничество, думала, что в Саратов, к Гермогену, а потом поняла свою ошибку...» [95]

Факт приезда в Саров большой группы паломников во главе с иеромонахом Илиодором подтверждается извещением, посланным игуменом Саровской пустыни Иерофеем полицейскому надзирателю:

«15 июля 1911 года. № 234. Срочное. Его Высокоблагородию Господину Полицейскому надзирателю Саровской пустыни. Во вверенную мне ... пустынь к 19-му сего июля прибывает из Царицына иеромонах Илиодор с паломниками, количеством около 2000 человек, покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие принять надлежащие меры о должном порядке по размещению паломников в гостиницах и держания должного порядка во всё время пребывания их в Сарове, о сём же просите и иеромонаха Илиодора». [96]

Еп. Гермоген (из показаний Ч. С. К., 1917 г.):

«В начале декабря 1911 года я опять присутствовал в Святейшем Синоде. Тогда же отец Илиодор возбудил ходатайство о разрешении издавать газету «Гром и молния», а главное, искал для этого средства. Я оказал содействие отцу Илиодору, и затея его увенчалась полным успехом. Распутин и тогда находился в хороших отношениях с отцом Илиодором. Насколько мне известно, никакого противодействия Илиодору в его затее издавать газету Распутин не оказывал. В Петрограде мною получено было ещё больше неблагоприятных сведений о Распутине, и я запретил отцу Илиодору поддерживать с ним сношения, но, повторяю, лично о. Илиодор никаких столкновений с Распутиным не имел. Уехав в Царицын, о. Илиодор в своих проповедях указывал пастве, что он ошибался в оценке Распутина, что последний оказался недостойным человеком и что владыка (я) запретил иметь с ним общение». [97]

Сам Григорий Ефимович несколько по-иному раскрывает ситуацию вокруг паломничества и издания газеты «Гром и молния» (из показаний на допросе по поводу покушения Гусевой, 1914 г.):

«Я четыре года назад был у Илиодора в Царицыне. Он меня встречал с толпами народа и говорил про меня проповеди о моей жизни. Я жил с ним дружно и делился с ним своими впечатлениями. Его я выручал, а когда перестал выручать, он провалился. Он на меня писал жалобы в Святейший Синод и посылал обо мне телеграммы Сазонову, министру иностранных дел, где писал, что он погибает; телеграммы эти были адресованы ко мне, а читали их сазоновские, так как я человек безграмотный. Наша распря пошла из-за того, что я не пускал его по Волге с богомольцами и был против выдачи ему денег на газету «Гром и молния». [98]

Из приведённого объяснения еп. Гермогена нетрудно понять, что его мнение было составлено со слов еп. Феофана, и, как уже было выяснено, не имело под собой никаких серьёзных оснований кроме наветов (подмётное письмо Феофану, слухи о купании Царских дочерей, слухи о банях, свальном грехе чуть ли не в царских покоях, обвинение в изнасиловании няни Царских детей). Вскоре к Феофану и Гермогену присоединился и Илиодор, предав своего друга, хотя сам Труфанов считал, что в обвинениях против Распутина нет веских оснований. Такой исход был неизбежен: между старцем Григорием и о. Илиодором уже легли украденные письма Государыни. Илиодору оставалось либо раскаться перед Григорием за содеянное, либо присоединиться к его противникам. Труфанов выбрал второе — путь Иуды. Подлинная причина поступков Илиодора в том, что Труфанов был обуреваем гордыней и мучим страстями. Он оказался человеком слабым в духовном отношении, и постепенно превратился в беспринципного негодяя, труса и предателя.

В воспоминаниях Матрёны Распутиной, как бы к ним не относиться, есть эпизод, который вполне мог произойти, если не с Ольгой Владимировной Лохтиной, то с кем-то ещё. Из этой истории следует, что Григорий Ефимович Распутин вступился за честь женщины, подвергшейся вероломству и насилию со стороны иеромонаха Илиодора, которого Григорий Ефимович вынужден был обличить перед Царём и Царицей, чем и нажил себе смертельного врага.

При внимательном рассмотрении деятельности Труфанова в Царицыне и участии в ней епископа Гермогена раскрывается ещё одна подоплёка перемены с их стороны в отношении Распутина, а именно, крайнее недовольство тем оборотом, какой в конечном итоге приняло их дело, и стремление перенести раздражение с больной головы на здоровую, т. е. свалить ответственность за своё собственное неразумное поведение на плечи старца Григория. Так часто бывает в жизни: вместо благодарности за добро платят злом. Григорий Ефимович по крайней мере дважды оказал серьёзную поддержку иеромонаху Илиодору: во время его конфронтации с церковной и светской властью в Царицыне, и в организации большого паломничества по Волге и в Саров, хотя, как следует из его собственных слов, он был против поездки Илиодора по Волге. Но видно, Илиодор, не чувствующий угрызений совести, жил по принципу: «стыд не дым — глаза не выест», и при первой же возможности с лёгкостью пошёл на предательство.

Наши выводы следуют из простого анализа ситуации, т. е. являются тем, что лежит на поверхности. Если же копнуть глубже, то появляется ещё один мотив, мотив страшный, который мы попытаемся раскрыть чуть погодя.

Убийство Столыпина и связанный с ним нездоровый интерес «общественности» к имени Распутина, которого подозревали не больше ни меньше, как в организации убийства своего политического противника (!) по-видимому, подтолкнуло к решительному выступлению против Григория Ефимовича его бывших друзей, а ныне тайных врагов, прятавших за пазухой нож на своего друга и благодетеля. Епископ Гермоген и иеромонах Илиодор давно искали повод, чтобы обличить Григория и указать ему место, конечно, никак не рядом с Царской Семей. В конце декабря 1911 года они сочли, что удобный момент настал. Как уже было сказано, епископ Гермоген под влиянием епископа Феофана уже давно был внутренне готов выступить против Григория, а иеромонаху Илиодору после кражи писем ничего не оставалось, как примкнуть к еп. Гермогену и еп. Феофану. К тому же слава Григория Ефимовича не давала покоя завистливому монаху. Затаённая зависть и недоброжелательство быстро превратились во вражду, ничем не прикрытую и уже не сдерживаемую после убийства Столыпина, а потому прорвавшуюся наружу в крайне уродливой форме.

Итак, два очень умных друга, как говорится, «метель да вьюга», возомнившие себя спасателями России, порешили промеж себя освободить Царскую Семей, да и всю Россию от «страшного мужика-разбойника». Однако, результат получился обратный: своим неуёмным темпераментом они понагородили столько, что разгребать созданные ими вокруг имени Григория Распутина завалы приходится до сих пор, а сколько неприятных переживаний они причинили обожаемым ими на словах монахам, наверное, не поддаётся описанию.

Изложение С.С. Ольденбургом дальнейшего развития событий даёт дополнительный штрих к характеру и манере поведения еп. Гермогена:

«За это время епископ Гермоген, человек фанатически убеждённый, но крайне неуживчивый, выдержавший в своей епархии борьбу с местными властями, был приглашён в состав Синода. Там он тотчас же вошёл в конфликт с большинством иерархов и с обер-прокурором В.К. Саблером и обратился к Государю в Ливадию с телеграммой, резко обличая

Синод в попустительстве ересям, за допущение молитв за «инославных» и за благожелательное в принципе отношение к учреждению должности «дьяконис». Видя, что епископ Гермоген мало подходит к коллегиальной работе в составе Синода, Государь, по предложению В.К. Саблера, издал распоряжение о том, чтобы епископ Гермоген вернулся обратно в свою Саратовскую епархию». [99]

Вместо того, чтобы подчиниться распоряжению Государя и успокоиться, епископ Гермоген (Долганов) вместе с иеромонахом Илиодором (Труфановым) в присутствии Мити Козельского и Ивана Родионова 16 декабря 1911 г. на Ярославском подворье Санкт-Петербурга попытались обличить Григория Распутина-Нового и силой взять с него обещание никогда больше не бывать у Царя и Царицы. Все происходило в крайне грубой, вероломной и недопустимой форме насилия и принуждения, а по утверждению Григория Ефимовича, его пытались оскопить. [100]

Описание того, что произошло на Ярославском подворье, приводит А.В. Герасимов:

«... епископ Гермоген вместе с Илиодором завлекли Распутина, с которым они до этого состояли в дружеских отношениях, на квартиру Гермогена в Александро-Невской лавре [*здесь неточность: инцидент произошёл на Ярославском синодальном подворье Санкт-Петербурга, Николаевская набережная, Васильевский остров (ныне наб. Лейтенанта Шмидта)*] и, под угрозой насилия, требовали от него поклясться на кресте и Евангелии в том, что он не будет больше посещать царский дворец и вообще поддерживать отношения с членами Царской семьи. Но Распутин вырвался от них и изобразил дело Государю так, как будто бы это было покушение на его жизнь. Разгневанный Государь после этого отдал предписание о высылке епископа Гермогена, который до того времени пользовался большим благорасположением Царской семьи». [101]

Происшествие было рассмотрено на заседании Св. Синода под председательством обер-прокурора В.К. Саблера. Было вынесено постановление отправить епископа Гермогена «на покой» в Саратов, о чём уже распорядился и Государь.

Директор канцелярии обер-прокурора Синода Виктор Яцкевич на допросе в Ч.С.К., 1917 г. рассказал следующее:

«Среди сессии в Рождественские святки Гермоген получил приказание вернуться в епархию. Он не подчинился этому приказу, и, как я слышал, по телеграфу просил приёма у Государя, указывая, что имеет сообщить о важном деле, но ему отказали». [102]

Итак, конец 1911 года и начало 1912 для старца Григория было ознаменовано новым витком его травли. Как бы испытывая прочность человека, предел его терпения, недруги пытались довести его до края. Но Григорий Ефимович держался. Вопреки всему, отношение Их Величеств к своему Другу оставалось неизменным, что радовало и утешало его самого, и что более всего продолжало раздражать всех его недругов.

Начало 1912 года и для Царской Семьи было сопряжено, прежде всего, с продолжением скандальной истории, связанной с неадекватным, диким поведением епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора. Надо ли говорить, что со стороны Государя и Государыни известие о том, что случилось на Васильевском острове, вызвало негодование.

8 января 1912 г. епископ Гермоген из Петербурга отправил иеромонаху Илиодору телеграмму в Царицын, куда тот поспешил удалиться. В ней говорилось:

«Милый и драгоценный друг мой! Отец Илиодор! Враги разрушают все наши дела. Меня удалили из Синода. Вам запрещают разрешённые уже типографию, газету и журнал. Скорее езжайте сюда. Будем бороться с общим врагом. Помогите мне. Любящий епископ Гермоген». [103]

По свидетельству Ксении Гончаренковой:

«Илиодор был вызван в Петербург телеграммой владыки Гермогена... 9 января Илиодор простился со своими почитателями, собравшимися в огромном числе...» [104]

Неуёмный епископ Гермоген никак не желал смириться с постигшей его участью и написал Государю Императору Николаю II письмо:

«Царь-батюшка! всю жизнь я посвятил служению Церкви и Престолу. Служил усердно, не щадя сил. Солнце жизни моей уже зашло далеко за полдень, голова моя побелела, и вот на склоне лет моих с позором, как преступник, изгоняюсь тобою, Государь, из столицы! Готов уехать куда угодно, но прежде прими меня, я открою тебе одну тайну. *Епископ Гермоген*». [105]

Государь ответил епископу Гермогену:

«Ни о какой тайне я знать не желаю. *Николай*». [106]

Ситуация с неподчинением властям со стороны духовного лица вновь повторялась, так что Государь Император Николай II вынужден был ещё раз обратиться к Святейшему Синоду:

«Надеюсь, что Святейший Синод убедит епископа Гермогена уехать из Петербурга в Саратов». [107]

А епископ Гермоген всё продолжал писать письма на сей раз — Государыне Императрице Александре Федоровне:

«Царица-матушка! Закрыта дорога для меня к Государю. Помоги мне. Открой дорогу. *Епископ Гермоген*». [108]

Ответила епископу и Царица-матушка, не пренебрегла страдальцем:

«К сожалению, ничего не могу сделать. Нужно повиноваться властям, от Бога поставленным. *Александра*». [109]

Последовавшие за сим события описаны в воспоминаниях В.Н. Коковцова:

«Гермоген тут же послал Государю телеграмму с просьбой об аудиенции, намереваясь раскрыть перед ним весь ужас создавшегося положения. <...> 17 января днем Саблер получил от Государя телеграмму Гермогена с резкой собственноручной резолюцией, что приёма дано не будет, что Гермогена надо немедленно удалить из Петербурга и назначить ему пребывание где-нибудь подальше от центра. Смущённый всем случившимся Саблер был у Макарова, потом приехал ко мне посоветоваться, что ему делать. В тот же день он поехал в Царское Село, чтобы попытаться смягчить гнев Государя. Ему это не удалось. В тот же день, около 6 часов, он сказал мне по телефону, что встретил решительный отказ, что все симпатии на стороне Распутина, на которого, как ему было сказано, «напали, как нападают разбойники в лесу, заманив предварительно свою жертву в западню», что Гермоген должен немедленно удалиться на покой, в назначенное ему место (Саблер выбрал один из монастырей Гродненской губернии, где тот будет по крайней мере «прилично помещён»), а Илиодору приказано отправиться во Флоришеву пустынь около города Горбатова, где и пребывать, не выходя за ограду монастыря, не появляясь ни в Петербурге, ни в Царицыне. Физического насилия над Илиодором, а, тем более, Гермогеном допускать не позволено во избежание лишнего скандала, но дано понять, что в случае их слушания не останутся и перед этим, что все события последнего времени являются проявлением «слабости Столыпина и Лукьянова, которые не сумели укротить Илиодора, явно издевавшегося над властью».

Весь этот инцидент ещё более приковал внимание Петербурга к личности Распутина». [110]

С.С. Ольденбург:

«Еп. Гермоген отказался повиноваться Высочайшей воле, не захотел ехать в Саратов, и в беседах с корреспондентами оппозиционных газет стал всячески обличать своих недругов [*надо понимать, не только Распутина, но и Царя с Царицей — сост.*].

Налицо имелся факт открытого неповиновения Верховной Власти. Государь обождал недели две, но затем издал предписание — еп. Гермогену выехать уже не в Саратов, а в Жировицкий монастырь Гродненской губ., Илиодора же отправить во Флорищеву пустынь». [111]

Согласно воле Царя и решению Св. Синода еп. Гермогену и иером. Илиодору запрещалось проживать в С-Петербурге и в Царицыне, но они упорно не желали подчиниться и, оставшись в Петербурге, повели борьбу против Распутина, который, как им казалось, был главным виновником их бед (что называется, с больной головы на здоровую).

Расчёт еп. Гермогена в отношении вызова на подмогу Труфанова оказался точным. Одержимость Илиодора, которая еп. Гермогену, по-видимому, представлялась благой ревностью, не замедлила сказаться. Труфанов пошёл напролом и написал Анне Вырубовой грозное послание:

«Сестра во Христе! Доколе же вы будете держаться Григория? Если не бросите его, то разразится грандиозный всероссийский скандал. Тогда будет беда! Послушайте меня. Побойтесь Бога. Покайтесь. Илиодор». [112]

Попытка Анны Вырубовой, её сестры Александры и мужа сестры, Александра Эриковича Пистолькорса, увещевать иеромонаха Илиодора ни к чему не привела. Разговор между ними произошёл в домике Анны Александровны.

У Труфанова, который более был не в силах сдерживать кипящую в нём ярость по отношению к Григорию Распутину, появляется маниакальная мысль написать против него книгу. Как и почему в голове Илиодора появилась такая мысль, дает объяснение генерал П.Г. Курлов:

«В этот период изменившихся отношений к Распутину иеромонах Илиодор, инспирируемый епископом Гермогеном, проявил те же свойства, которые так рельефно выступали в его проповедях. В убеждении, что ему всё дозволено и в борьбе допустимы всякие средства, как бы презренны они ни были, иеромонах Илиодор не остановился перед распространением в обществе апокрифических писем к Распутину, будто бы исходивших от лица Императрицы и Августейших дочерей. Этим письмам он придал недопустимое содержание.

И таким выдумкам поверили!

Председатель Совета Министров В.Н. Коковцов не нашёл ничего лучшего, как сделать Распутину предложение, о котором я уже говорил, видимо, считая, что отъезд Распутина из столицы ослабит или устранил произведённое упомянутыми письмами в публике впечатление, и не понимая, что такой приём превратит в глазах большинства подложные документы в действительные, а М.В. Родзянко (председатель Государственной Думы, камергер высочайшего двора) дерзнул показать письма Государю и убеждал его приказать выслать Распутина из Петербурга. Нужно было самомнение и ограниченность Родзянко, чтобы удивиться и вознегодовать, что обращение его было принято Государем далеко не любезно». [113]

Из показаний П.А. Бадмаева (Ч.С.К., 1917 г.):

«Гермогён прочёл мне записку Илиодора под названием «Гришка» и рассказал следующее: «На основании писем царицы, лично переданных Распутиным Илиодору, они пришли к убеждению, что Распутин живёт с царицей». [114]

Пребывание Гермогена и Илиодора в С-Петербурге становилось просто невыносимым. Чтобы прекратить их деятельность, оскорбительную и для него, и для Государыни, Государь вынужден был пойти на крайние меры.

Дальнейшие события в изложении В.Н. Коковцова разворачивались следующим образом:

«В воскресенье 22 января, утром, приехал к Макарову генерал Дедюлин вместе с Саблером и в качестве генерал-адъютанта передал повеление министру внутренних дел, чтобы Гермоген выехал в тот же день. Дедюлин сказал при этом, что Государь не допускает более никаких отговорок и в случае неповиновения Гермогена повелел градоначальнику вывезти его силой. Саблер всё ещё пытался найти путь к умиротворению и предложил послать к Гермогену двух епископов, в том числе Сергия Финляндского, чтобы усостыжить его и склонить к добровольному подчинению царской воле. Посылка послов не состоялась, потому что днём тот же Дедюлин передал Макарову по телефону просьбу доктора Бадмаева разрешить ему увидеться с Гермогеном и попытаться уговорить его. Разрешение было дано, но до 7 часов вечера не были известны результаты. А распоряжения были такие: в случае упорства Гермогена начальнику охранного отделения генералу Герасимову приказано быть у того к 11 часам вечера с экипажем, посадить Гермогена в него даже силой, отвезти на Варшавский вокзал и поместить в особый вагон, прицепленный к 12-часовому поезду; в случае же готовности подчиниться приказано только наблюдать за отъездом и не допускать ослушания в последнюю минуту.

Вечером, около 8 часов, Бадмаев сообщил Макарову по телефону, что Гермоген подчинился». [115]

Итак, при посредничестве Бадмаева всё же удалось выслатить епископа Гермогена из Петербурга. Участие Бадмаева было продиктовано вовсе не корыстными интересами, как то пытается представить, например, Э. Радзинский. Вопреки мнению Пуришкевича и Гучкова, а также их идейных последователей сегодня, Бадмаев вовсе не был злым колдуном, травящим посредством Анны Вырубовой и каких-то снадобий из оленьих копыт Наследника Русского Престола.

О П.А. Бадмаеве и его добром отношении к Г.Е. Распутину рассказал в своих воспоминаниях генерал П. Г. Курлов:

«Вторая встреча [*с Григорием Распутиным*] произошла летом 1915 года. Приехав в столицу на несколько дней из Риги, я по обыкновению поспешил посетить моего давнишнего врача и старого друга П.А. Бадмаева и застал у него Распутину. Знакомство их меня несколько не удивило, так как П.А. Бадмаев, будучи глубоко верующим христианином, относился весьма отрицательно ко всякому проявлению мистицизма, но тщательно его изучал путём личного знакомства с различными людьми, выдвигавшимися на этом поприще. Ранее я видел у него странника Митю и других старцев и юродивых. К Распутину он относился с большим вниманием, видимо, желая разгадать его личность, особенно ввиду того, что П.А. Бадмаев искренно обожал Государя Императора и его Семью». [116]

Сведения, дополняющие представление о личности Бадмаева, приведены в воспоминаниях В.Н. Коковцова:

«Государь лично знал его [*Бадмаева*] с давних пор, когда ещё в начале девятисотых годов, при Витте, в 1901 или 1903 году, при участии князя Ухтомского, начиналась активизация политики на Дальнем Востоке. Бадмаеву была даже выдана, по докладу Витте, из Государственного банка ссуда в 200 тысяч рублей для пропаганды среди бурят и монголов в пользу России». [117]

Подчеркнём ещё раз, что речь идёт о человеке, которого пытались, да и пытаются, представить не больше ни меньше, как «отравителем» Царевича Алексея — а он оказывается был глубоко верующим христианином, обожавшим Государя Императора и его Семью, и проводившим пропаганду среди бурятов и монголов в пользу России! Что же постыдного было в дружбе с Бадмаевым, которую водил старец Григорий, и которую ставят ему в вину и по сей день?

«На следующей неделе, — как пишет В.Н. Коковцов, — удалось разыскать скрывшегося Илиодора. Его нашли недалеко от Петербурга, на Московском тракте (где-то на поле, недалеко от Любани, шедшим пешком в сторону Москвы), посадили в поезд и отвезли во Флорищеву пустынь, сдав «под начало» архимандриту монастыря». [118]

События с участием епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора не нуждаются в комментариях. Трудно было найти более удачный способ, чтобы не только облить грязью, морально уничтожить старца Григория, но и в самой грязной, гнусной и недостойной форме дискредитировать Царя и Царицу. Что тут скажешь. Со стороны Труфанова — верх человеческой неблагодарности, подлого цинизма и коварного предательства, а со стороны еп. Гермогена, как ни тяжело об этом писать — крайнее неразумие и откровенная глупость. Впрочем, двери покаяния открыты для каждого человека, пока он жив, и Суд Божий вершится над каждым из нас. О судьбе же этих людей будет рассказано в своём месте.

Одним из последствий всей этой истории лично для Григория Ефимовича явилось то, что, согласно документам Департамента полиции, с 23 января 1912 г., по распоряжению министра внутр. дел А.А. Макарова за Григорием Распутиным-Новым было установлено негласное наблюдение, которое вели полицейские агенты (филеры). [119]

Что это было за наблюдение станет ясным из дальнейшего изложения событий.

Ссылки:

78. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 196-197; со ссылкой на: ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 437, л. 85-97.

79. *Смирнов В., Смирнова М.* Неизвестное о Распутине. Р.С. Тюмень: Издательский дом «Слово», 2006. С. 54; со ссылкой на ГАТО, ф. И-239, оп. 1, д. 90, л. 199.

80. *Бэттс Ричард (Фома)* Пшеница и плевелы. М: Валаамское общество Америки в России. 1997. С.71-72.

81. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус. 2001. С.287-288.

82. *Жевахов Н. Д.* Воспоминания. Т.1. М: Родник, 1993. С. 209.

83. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус. 2001. С. 112-113.

84. Российский Архив, Т. VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие. 1919-1922 гг. М: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова. 1998. С. 183.

85. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 174; со ссылкой на: ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 436.

86. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С.144.

87. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 196-197; со ссылкой на: ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 437, л. 85-97.
88. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М: Захаров, 2002. С. 193-195.
89. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Т. II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 70, 76.
90. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М: Захаров, 2002. С. 195-196.
91. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 134.
92. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М: Захаров, 2002. С. 196.
93. *Бэттс Ричард (Фома)* Пшеница и плевелы. М: Валаамское общество Америки в России. 1997. С. 72.
94. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 196-197; со ссылкой на: ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 437, л. 85-97.
95. *Степашкин В. А.*, м.н.с. музея "Саровская пустынь". газета «Городской курьер» г. Саров — <http://www.courier.sarov.ru/03/txt/9031104.htm> .
96. Там же.
97. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 196-197; со ссылкой на: ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 437, л. 85-97.
98. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 174; со ссылкой на: ТФГАТО, ф. 164, оп. 1, д. 436.
99. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Т. II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 85.
100. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 459, 479.
101. *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М: Товарищество русских художников, 1991. С. 181-183.
102. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 175.
103. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 251.
104. *Бэттс Ричард (Фома)* Пшеница и плевелы. М: Валаамское общество Америки в России. 1997. С. 72.
105. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 251.
106. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 251.
107. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 251.

108. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 251.
109. *Ватала Эльвира* Григорий Распутин без мифов и легенд. М: Армада-пресс, 2000. С. 251.
110. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 459.
111. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II, Т. II, репринт. М: Феникс, 1992. С. 85-86.
112. *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 176.
113. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России». М: Захаров, 2002. С. 196.
114. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 178.
115. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 460-461.
116. *Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М: Захаров, 2002. С. 199.
117. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 460.
118. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Минск: Харвест, 2004. С. 462, 472.
119. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Пролог царевубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 201; *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 179.